СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
и
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.
1831 № XIX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывокъ изъ новаго Романа.

Мелькаютъ дни и мѣсяцы и годы;
За вѣкомъ вѣкъ невидимо летитъ;
Блеснутъ, исчезнутъ, вновь цвѣтутъ народы;
А бѣдный свѣтъ по прежнему стоитъ.

ГЛАВА I.

Первый духъ.

Здѣсь обитель отверженья!
Здѣсь злодѣйствамъ нѣтъ конца!

Другой духъ.

И въ жилищѣ преступленья
Есть невинныя сердца.

Въ осеннюю темную ночь, наканунѣ Михайлова дня, сельскій Священникъ сидѣлъ въ своей свѣтлицѣ, которая была убрана со всѣми затѣями. Священникъ былъ самъ по себѣ богатъ; да и помѣщикъ его очень жаловалъ. Наружныя стѣны свѣтлицы были выштукатурены, а внутри обиты бумажками. Печка была

въ ней Голландская, съ лежанкою изъ пестрыхъ изразцевъ. Въ переднемъ углу стояли три большія иконы: на Спасителѣ и Богоматери ризы были позолоченныя, на Николаѣ Чудотворцѣ серебряная. Предъ образами висѣло хрустальное паникадило въ четыре свѣчи. Подъ иконами, на полочкѣ, обитой малиновымъ бархатомъ, стояла дарохранительница, покрытая штофною пеленою съ золотымъ крестикомъ. Возлѣ дарохранительницы лежалъ требникъ, въ епитрахиль завернутый, а кадило, также позолоченое, повѣшено было особо на гвоздикѣ.

Длинный дубовый столъ, гладкій и свѣтлый, какъ зеркало, стоялъ нѣсколько поодаль; онъ былъ вокругъ обставленъ зелеными скамьями съ балясами. На скамьѣ, которая стояла у стѣны подъ иконами, лежали три подушки; наволоки на нихъ были какъ снѣгъ бѣлыя, съ вырѣзами и съ красными застѣжками. На столѣ лежала развернутая Библія, на которую Священникъ облокотился.

На немъ было голубое шелковое полукафтанье съ серебряными пуговками. Черные, длинные, волнистые его волосы были распущены, и закрывали половину книги и бѣлую его руку, на которую онъ склонилъ голову. Большіе и также черные глаза его были опущены. Правильное, но угрюмое лице Священ-

ника, при всей его молодости, внушало особенное къ нему уваженіе. Всегда блѣдный и молчаливый, онъ, казалось, скрывалъ въ сердцѣ какую-то тайну, и въ глазахъ его было что-то непзъяснимое.

Хотя все въ этой домашней часовнѣ было чинно и благоговѣйно и роснымъ ладономъ накурено, какъ обыкновенно бываетъ у каждаго священнослужителя предъ вечернею молитвою; но Священникъ не спѣшилъ къ молитвѣ: онъ часто вскакивалъ и слушалъ, выглядывая въ окошко, изъ котораго было видно на барскую усадьбу; потомъ опять садился и задумывался. Наконецъ онъ закрылъ книгу и говорилъ самъ съ собою: „Ахти! Не радъ я, что запутался! Чѣмъ-то все это кончится! А бѣдная Настенька, ничего не знаетъ! Точно овечка заблудшая! Кажется, что скоро ей быть безъ пастыря! — что дѣлать?... Хотя бы .... да кто повѣритъ? Покойный тесть отъ того и въ землю пошелъ..... а доказать не могъ! Да и что значитъ правда противъ денегъ!... Кажется, я въ малолѣтствѣ довольно казнился, глядя на отца моего! Ахъ, Настенька! Изъ одной любви къ тебѣ, я горе замыкалъ! Ба! ужъ и съ факелами по двору ходятъ. Господи Боже мой!“ Подойдя опять къ окошку онъ, продолжалъ. „Что-то больно шумятъ, не напуга-

ли бы жену? Прочту вечернія молитвы, да посмотрю, спитъ ли она."

Пока онъ молится, мы разскажемъ, что дѣлается въ томъ же домѣ, чрезъ сѣни въ такъ называемой двучельной горницѣ, гдѣ обыкновенно жена деревенскаго Священника проводитъ бо́льшую часть своего времени, занимаясь хозяйствомъ.

И тамъ все убрано было поопрятнѣе и поважнѣе, нежели у простаго поселянина; но гораздо простѣе, чѣмъ въ свѣтлицѣ. Иконы были безъ ризъ; вмѣсто скамеекъ некрашеныя лавки, печь простая, кирпичная, однако же выбѣленная. Шкафъ съ фаянсовою посудою и фарфоровымъ чайнымъ приборомъ, и нѣсколько серебряныхъ ложекъ и вызолоченыхъ чарокъ были единственнымъ украшеніемъ этой горницы, отъ которой отгорожена была комнатка въ одно окно. Тамъ стояла большая желѣзная кровать Тульской работы, а у кровати столикъ, накрытый чистою салфеткою. На столикѣ поставлена была икона, предъ которою теплилась лампада. Занавѣси у кровати и окошка были ситцевыя.

На кровати лежала молодая, прекрасная, но блѣдная, какъ смерть, женщина.

Темнорусые, длинные волосы ея были по лицу и по плечамъ раскиданы, а глаза полуотверзты отъ слабости. Длинныя рѣсницы

такъ закрывали ихъ, что она казалась спящею; но она не спала отъ радости, которой никакое перо описать не можетъ, но которую чувствуютъ всѣ матери при рожденіи перваго младенца! Съ этою радостью ни какая другая сравниться не можетъ, и сладостное воспоминаніе о ней во всю жизнь не изглаживается.

Настасьѣ Лаврентьевнѣ (такъ называлась жена Священника) наканунѣ этого дня Богъ даровалъ сына!

Дверь въ большой горницѣ отворилась, и она слабымъ голосомъ спросила: „Арсеній Ивановичъ, это ты?“

—„Я дитятко“ отвѣчала повивальная бабка: „а ты все не почиваешь? да правда, какъ и уснуть, не вѣсь какой шумъ!“—

—„ Отъ чего же это, Филатьевна?“

—„ Дождь ливный, родная! Буря такая несетъ, что зги Божьей не видать, а тьма хоть глазъ выколи!“

—„То-то въ дорогѣ теперь, не дай Господи!“

—„И и, дитятко, въ дорогѣ! На ночлегѣ еще хуже: вѣдь эдакая тьма для злыхъ людей находка.“

—„А я такъ, бабушка, не вѣрю, чтобъ злые - то люди на свѣтѣ были: вотъ и покойная маменька много мнѣ наказывала, когда

благословляла при смертномъ часѣ и больше всего твердила: „Молись, Настенька! молись, мое милое дитя, за всѣхъ злыхъ людей, даже за своихъ собственныхъ злодѣевъ,“ и вотъ третій ужъ годъ, какъ, при помощи Божіей, я всѣ ея завѣщанія выполняю, но злыхъ-то людей не знаю, ни въ лице, ни по имени. Мнѣ кажется, маменька сказала это такъ, ужъ не въ разумѣ: вѣдь когда она наказывала мнѣ объ этомъ, вся заживо вдругъ измѣнилась, а послѣ, только и вздохнула два разочка, моя роднепькая!“

—„Я чаю дитятко, она тебѣ объ милостынѣ-то много наказывала? И сама-та была куда какъ милостива!“

—„Нѣтъ, Филатьевна; она мнѣ объ этомъ ничего не говорила: она знала, что я такая препрѣстая, готова послѣднюю рубашку отдать.“

—„Ну, добро, полно же плакать; вѣдь тебѣ тяжело будетъ. Хорошо бы, Настасья Лавреньтьевна,“ продолжала бабка „кабы всѣ люди были такіе добродѣтельные, какъ покойные твои родители. — Да ты и сама, грѣхъ сказать въ глаза и за глаза, яблочко недалеко укатилось отъ яблоньки: молодехонька, а смышлена, Христосъ съ тобой. Ну, а какъ поживешь подолѣ, много еще узнаешь, да помянешь и меня грѣшную.“

Въ это время ребенокъ, какъ будто понялъ слова Филатьевны и заплакалъ. „Подай-ка мнѣ его, бабушка,“ сказала Настасья Лаврентьевна: „онъ вѣрно ѣсть хочетъ.“

Бабка взяла свитое крестомъ дитя, завернула его въ розовое атласное одѣяльце, а мать, чуть живая, забывъ слабость свою, съ трудомъ привстала, чтобъ сѣсть и, закинувъ дрожащею рукою длинные свои волосы назадъ, положила на колѣни подушечку, и открыла юную грудь свою, гордясь священною должностью матери.

— „Нишни, Мишенька“ сказала она, учась укладывать дитя къ груди: „нишни, мой милый сыночекъ“ повторила негромко, и такъ застыдилась, что долго не смѣла взглянуть на бабушку, которая сѣла подлѣ нея на кровать и говорила: — „Ни дать, ни взять, покойная матушка Аграфена Кондратьевна! — Какъ теперь гляжу: когда я повила тебя и подала ей, она точнехонько такъ начала тебя укладывать, какъ ты теперь своего Мишеньку.“

— „Несчастливъ ты, Мишенька,“ сказала Настасья Лаврентьевна: „не благословила тебя бабушка.“

— „А вѣдь ты вся пошла по матушкѣ; такая же привѣтная, да пригожая.“

— „Полно, бабушка, полно. Смотри не

скажи этого при Арсеньѣ Ивановичѣ; я со стыда умру.“

— „Все еще у тебя ребячье въ головушкѣ-то; а что кажись, лѣтъ пятнадцать тебѣ?“

— „Шестнадцать, бабушка, будетъ въ Филиповку.“

— „Да, да, вѣдь тебѣ и имячко-то дано Настасьи Рожественской. Я на память-то, благодаря Христа, все помню: какъ словно вчера было; и ночь то была такая же темная! А хлопотъ-то, хлопотъ было покойному батькѣ, съ два неполно“ сказала Филатьевна, покачивая головою.

— „Маменька сказывала, что они жили очень согласно съ батюшкой.“

— „А опъ чего онъ померъ, она тебѣ не сказывала?“

— „Нѣтъ, Филатьевна, а все твердила, покойная: когда бы ты подросла, Настюша, много бы мнѣ надо съ тобой поговорить, да съ тѣмъ и померла! А какъ Степанъ Михайловичъ сыскалъ мнѣ жениха, въ Священники, на мѣсто батюшки, такъ она и рукой махнула. Ну, Настенька, сказала она, не быть тебѣ счастливой! Да съ тѣхъ поръ и зачахла, а чрезъ полгода и скончалась.“

—„То-то родная! Сила солому ломитъ! Ты и сама больно вопила, какъ тебя отдавали?“

— „Какъ же не плакать, Филатьевна? И всѣ плачутъ.“

—„Ну, нѣтъ, другъ! Кому по праву суженой, та и вѣдомо повоетъ, а открой-ка фату, такъ и слезинки нѣтъ.“

— „Ахъ, бабушка! Какъ будто женихи-то не всѣ равны? За что ихъ любить? Вѣдь женихъ ни отецъ, ни мать.“

— „А развѣ ты отца-та Арсенія не любишь?“

— „Какъ не любить? Богъ съ тобою, бабушка! Это законъ! — Жениховъ-то у меня много было; а право для меня они всѣ равны.“

— „Кажись, баринъ-та у васъ на свадьбѣ самъ былъ?“ спросила бабушка.

— „Какъ же, отцемъ посаженымъ, а снарядилъ меня словно отецъ родной: сколько ферязей, и всѣ шелковыя, а маменька покойная ни на что и глядѣть не хотѣла; даже и тому не порадовалась, моя кормилица, что вѣнчали меня въ парчевой ферязи и въ жемчужной поднизи; да и свадьбу баринъ на свой счетъ сыгралъ. А какъ я сдѣлалась тяжела, и рабошницу намъ подарилъ такую досужую!“

— „Пора быть досужей, слишкомъ въ 30 лѣтъ; вѣдь Марѳушка-то мнѣ двоюродная племянница.“

— „ Тото же: онъ даромъ намъ ее пожаловалъ.“

— „А можетъ быть и не даромъ;“ проворчала Филатьевна: „да гдѣ же она?“

— „Попросилась на барскій дворъ къ сестрѣ, да что-то замѣшкалась. Полно, не пріѣхала ли барышня? Ждутъ съ часу на часъ. Ты знаешь, что сестрица Степана Михайловича, Княгиня Вѣра Михайловна, скончалась, и баринъ за Ольгой Степановной лошадей посылалъ; да Княжна-та не отпускаетъ. Сего дня, говорятъ, еще хочетъ послать; а можетъ быть ужъ и пріѣхала на Воротниковскихъ коняхъ ?“

— „ Ну, не на радость; спѣшитъ не для чего,“ сказала негромко бабушка. „Вѣдь барышню-та я же принимала. Настасья Лаврентьевна, она тебѣ ровесница. Покойная Княгиня взяла ее, кажись, шести-лѣтнюю и пріучила къ себѣ словно дочь родную. Стало и Тихоновна сюда будетъ, мамушка-та Ольги Степановны? Она мнѣ также родня, какъ Маронинъ отецъ. Вѣдь мы всѣ однихъ господъ были, а Тихоновна въ приданое шла за покойною Княгинею, и Княжну-то Марью Васильевну она же вынянчила. А какъ пашу дитю отъ груди отняли, такъ тетушка и прислала понадежнѣе свою мамушку; и какъ

барышня-то ее жалуетъ! — Да и Тихоновна, нѣчего сказать, бережетъ ее какъ свою утробную,“

— „Скажи-ка, бабушка, давно ли наша та барыня скончалась?“

— „Да не велѣлъ Господь порадоваться! Какъ родилась Ольга Степановна, такъ спустя недѣльки три съ чѣмъ-то, и Богу душу отдала, отъ испугу (царство небесное)!

— „Отъ испугу? Не дай Богъ, Филатьевна!“

— „А ужъ какъ она жаловала мою внуку, Дашутку: дѣтокъ-то своихъ долго не было; ну такъ словно дѣтища полюбила дѣвченку; она же была сиротинка: ни отца, ни матери! И кушать-то бывало все съ собою сажала, а приставлена къ ней была какая-то изъ Нѣмецкихъ!“

— „Покойная Елена Егоровна никуда безъ нее не ѣзжала; и сосѣди, когда присылали нашу-то просить, всегда наказывали, чтобы, дискать, изволила безпремѣнно пожаловать и съ фавориткою. — Богъ вѣсть, что это за слово; а всѣ Дашутку такъ называли до самаго несчастья“ . . . . .

— „Ахъ, да, бабушка! говорятъ, что Даша съ печали по барынѣ помѣшалась, сердечная?“

—„Ну, да хоть и не отъ того! Что она тогда

знала? Осталась лѣтъ двѣнадцати: реблячье дѣло! Только при ней бы, матушкѣ, этого бы не было. Молчи ка другъ; видишь, я разболѣлась; кажись, батька идетъ! . . .“

— „Ахъ бабушка! возьми да положи Мишу!“ и блѣдно-розовый румянецъ покрылъ лице Настасьи Лаврентьевны.

Бабушка взяла ребенка на руки и сказала про себя:

— „Пришлось молчать до поры, до времени, пока Богъ грѣхамъ терпитъ.“

Въ это время Священникъ отворилъ двери, и вошелъ въ горницу. Лице его, какъ мы и прежде сказали, было всегда угрюмо; и жена въ три года не могла привыкнуть къ его наружности, такъ, что каждый разъ, когда онъ приходилъ къ ней, первое чувство ея было испугаться.

—„Вы еще не спите?“ спросилъ онъ гусинымъ, но пріятнымъ голосомъ.

— „Да гдѣ же уснуть, отецъ святой?, сказала Филатьевна: „кажись свѣту преставленье! . . .“

—„ Какъ? развѣ и здѣсь слышно?“ прервалъ Священникъ.

—„ Какъ не слыхать: дождь и буря, свѣта Божьяго не видно!“

Между тѣмъ, какъ старуха говорила сіи слова и окутывала ребенка, мать не спускала

глазъ съ него и указывала, чтобъ Флатьевна его положила. Священникъ также взглянулъ на сына, а потомъ на жену, которая отъ стыда вся вспыхнула и отворотилась къ стѣнѣ. — Приложивъ руку къ пламенной щекѣ ея, онъ сказалъ:„ Что съ тобою, мой другъ! У тебя жаръ, Настюша?“

—„И, и, батюшка,“ отвѣчала вмѣсто ея бабка: „молодая мать! чего дивить? Вѣдь куда стыдно нашей-то сестрѣ въ первый разъ . . . . .“

—„Быть матерью“ сказалъ Священникъ улыбнувшись и взглянувъ съ нѣжностію на дитя.

—„Расти, Мишенька!“ говорилъ онъ, благословляя сына: „расти и утѣшай мать“ Потомъ чело его снова наморщилось. Поджавъ руки и прислонясь къ приполокѣ, долго стоялъ онъ въ безмолвіи, поглядывая то на жену, то на сына, котораго бабка укладывала въ ногахъ у матери.

Казалось, что ему было очень тяжело. Блѣдное лице его еще болѣе поблѣднѣло, и въ выразительныхъ глазахъ его смѣнялись различныя чувства. Наконецъ двѣ крупныя слезы покатились по щекамъ его; но въ то же мгновеніе глаза его осушились и прежній мракъ покрылъ всѣ его тайны.

— „Прощай, Настенька! Христосъ съ

тобою!" сказалъ онъ ласково женѣ, которая давно уже на него глядѣла, но не смѣла прервать его молчаніе. Обрадовавшись, что онъ заговорилъ съ нею, она взяла его робко за руку, а смѣтливая Филатьевна тотчасъ вышла въ большую горницу.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

II.

НОВАЯ ИСТОРІЯ.

БІОГРАФІЯ

Графа Петра Васильевича Завадовскаго.

(Окончаніе.)

Высочайшее утвержденіе необыкновенныхъ приношеній Павла Григорьевича Демидова, какъ извѣстно, сопровождено было и необыкновенными наградами Благословеннаго Александра. Высочайше повелѣно было Правительствующему Сенату выбить золотую медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ лица Демидова, на другой поставить приличную надпись, означающую его дѣяніе, и вручить ему въ Москвѣ, въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената. Даритель Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ор-

дена Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра большаго креста первой степени, и Главное Правленіе Училищъ, подъ руководствомъ Графа Петра Васильевича, согласно съ волею благотворителя Наукъ, начертало Уставъ Ярославскаго Демидовскаго Училища Высшихъ Наукъ, который Высочайше и утвержденъ въ 28 день Января 1805 года.

Въ семъ же году Графъ Илья Андреевичъ Безбородко отнесся къ Графу Завадовскому о благодѣтельныхъ распоряженіяхъ имущества покойнаго брата своего Князя Александра Андреевича Безбородки на пользу Наукъ, къ коимъ Графъ Илья Андреевичъ присоединя свои пожертвованія, просилъ о заведеніи въ Нѣжинѣ Гимназіи Высшихъ Наукъ. На сіе вскорѣ исходатайствовано Графомъ Петромъ Васильевичемъ Высочайшее соизволеніе, и даритель Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени. Въ 1806 году управленіе Графомъ Петромъ Васильевичемъ Министерства Просвѣщенія ознаменовано исходатайствованіемъ Высочайшаго повелѣнія не взимать пошлинъ при совершеніи купчихъ на покупаемые на счетъ казны домы и мѣста для учебныхъ заведеній; Высочайшимъ утвержденіемъ постановленія для Водоходнаго Училища въ Ригѣ; утвержденіемъ постанов-

ленія для Виленскаго Медицинскаго Общества, основавшагося въ 12 день Декабря 1805 года; утвержденіемъ постановленія для Клиническаго Института и учащихся Врачебной Наукѣ въ Дерптскомъ Университетѣ; отмѣненіемъ дохода съ таковъ, коимъ содержимъ былъ Дерптскій Университетъ, и повелѣніемъ производить на содержаніе онаго изъ Государственнаго Казначейства ежегодно по сту двадцати шести тысячъ рублей; учрежденіемъ въ С. Петербургѣ втораго Отдѣленія Педагогическаго Института для ста Студентовъ; учрежденіемъ при Московскомъ Университетѣ Общества Испытателей Природы; учрежденіемъ на особомъ положеніи Таганрогской Коммерческой Гимназіи; начертаніемъ Устава Главной Семинаріи для Римско-Католическаго Духовенства, при Виленскомъ Университетѣ.

Въ 1807 году при Волынской Гимназіи учреждена Школа Землемѣровъ; въ С. Петербургѣ основанъ Институтъ для ученія и воспитанія слѣпыхъ; исходатайствовано Высочайшее повелѣніе о невзиманіи пошлинъ съ книгъ въ переплетѣ, выписываемыхъ для учебныхъ заведеній; написанъ Уставъ для Приходскихъ Училищъ въ Губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской; въ первомъ Отдѣленіи С. Петербургскаго Педагогическаго Ин-

ститута Студенты окончили кругъ Наукъ, и по выдержаніи ими строгаго частнаго и публичнаго испытаній, и сверхъ того въ присутствіи Государя Императора, началось размѣщеніе ихъ по Гимназіямъ, а двѣнадцать отличнѣйшихъ успѣхами и поведеніемъ, предположено послать въ чужіе краи, съ тѣмъ, чтобы они по возвращеніи своемъ заняли мѣста Профессоровъ и Адъюнктовъ въ предположенномъ въ С. Петербургѣ Университетѣ. Въ семъ же году Графъ Петръ Васильевичъ входилъ съ представленіемъ къ Государю Императору о неудобствахъ, открывшихся въ приведеніи въ исполнительность училищнаго фундуша, опредѣляемаго въ содержаніе Виленскому Университету и училищамъ того округа, почему и просилъ, для приведенія въ точную извѣстность всѣхъ частей училищнаго фундуша, объ учрежденіи двухъ Коммиссій, одной въ Вильнѣ для Губерній Литовскихъ, Бѣлорусскихъ и Минской, а другой въ Кременцѣ, для Губерній Волынской, Подольской и Кіевской, съ изложеніемъ правилъ, по коимъ сіи Коммиссіи долженствовали дѣйствовать. Въ слѣдствіе сего представленія послѣдовалъ Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату въ 21 Декабря 1807 года, въ утвержденіе существованія Коммиссій и правилъ, для нихъ изложенныхъ.

Въ 23 день Мая 1808 года Графъ Петръ Васильевичъ входилъ съ докладомъ къ Государю Императору о сдѣланныхъ къ отправленію вышеупомянутыхъ 12 Студентовъ въ чужіе краи, съ представленіемъ по сему предмету начертанія, по коему студенты сіи долженствовали пробыть въ чужихъ краяхъ до трехъ лѣтъ и возвратиться къ концу курса 2-го Отдѣленія Института. Симъ Студентамъ предписано было усовершить себя въ чужихъ краяхъ: одному въ Исторіи, Географіи и Статистикѣ, другому въ Философіи, во всемъ ея пространствѣ; третьему, въ Политической Экономіи и Коммерціи; четвертому, въ Дипломатикѣ; пятому, въ Словесности вообще, и особенно въ Эстетикѣ; шестому, въ Чистой Математикѣ; седьмому, въ Практической Астрономіи; осьмому, въ Физикѣ и Прикладной Математикѣ; девятому, въ Химіи; десятому, въ Зоологіи; одиннадцатому, въ Ботаникѣ и Минералогіи; двѣнадцатому, въ Технологіи. Студенты сіи препоручены были на мѣстѣ извѣстнымъ по своимъ правиламъ и роду жизни Профессорамъ, Корреспондентамъ С. Петербургской Академіи Наукъ или Почетнымъ ея Членамъ, и также Министрамъ Россійскаго Двора, и каждому изъ Студентовъ дана была полная инструкція по предмету ихъ путе-

шествія съ изъясненіемъ, въ какія мѣста имъ отправиться, и какимъ и гдѣ Наукамъ обучаться. Они къ означенному сроку возвратились въ С. Петербургъ; сдѣлано было имъ строгое испытаніе въ соединенныхъ собраніяхъ Академиковъ Академіи Наукъ, Медико-Хирургической, и Профессоровъ Педагогическаго Института, и какъ оказалось, что они удовлетворили ожиданіямъ начальства, то и произведены были Адъюнктами. Но Государь Императоръ, совершенно удостовѣрясь о пользѣ Педагогическаго Института, изволилъ отмѣнить учрежденіе здѣсь Университета; по сему новые Адъюнкты оставлены при Институтѣ, и въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ поступили Профессорами въ Царско-Сельскій Лицей.

Здѣсь собраны свѣдѣнія только о важнѣйшихъ Уставахъ, учрежденіяхъ, распоряженіяхъ и событіяхъ во время управленія Графа Петра Васильевича Завадовскаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Постановленія частныя, большей или меньшей важности, изложены въ Періодическомъ Сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, которое издаваемо было при семъ Министерствѣ въ управленіе Г. Завадовскаго и преемника его, Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго.

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій управлялъ Министерствомъ Просвѣщенія по 11 число Апрѣля 1810 года. Во время его управленія, въ вѣдомствѣ Министерства Просвѣщенія состояло изъ прежде существовавшихъ ученыхъ Обществъ: въ Санктпетербургѣ: Императорская Академія Наукъ, Академія Россійская; вновь учреждены: Вольное Общество любителей Словесности, Наукъ и Художествъ; въ Москвѣ: при Университетѣ учреждены Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, Общество Испытателей Природы и Общество Соревнованія Врачебныхъ и Физическихъ Наукъ; въ Вильнѣ учреждено ученое Медицинское Общество; въ Ригѣ, Вольное Общество Словесности и Практики; въ Казани, при Гимназіи, Вольное Общество Отечественной Словесности. Учебныхъ заведеній во время его Министерства, оставшихся на прежнемъ основаніи, преобразованныхъ и вновь учрежденныхъ состояло: по Московскому округу: въ Московской Губерніи Университетъ, при немъ Гимназія и Благородный Пансіонъ, Губернская Гимназія, Уѣздныхъ, малыхъ Народныхъ Училищъ, частныхъ Училищъ или Пансіоновъ въ Москвѣ, Уѣздныхъ Приходскихъ и малыхъ Народныхъ Училищъ, всего 66; въ Смоленской Губерніи, Уѣздныхъ, Приходскихъ и малыхъ Училищъ съ Гимназіею

14; въ *Рязанской*, Уѣздныхъ, Приходскихъ малыхъ Училищъ, и Пансіоновъ съ Гимназіею 15; въ *Вологодской*, Уѣздныхъ и Приходскихъ Училищъ съ Гимназіею 8; во *Владимірской*, съ Гимназіею 17; въ *Ярославской*, съ Демидовскимъ Училищемъ Вышнихъ Наукъ и Губернскою Гимназіею 13; въ *Тверской*, съ Гимназіею, 30; въ *Костромской*, съ Гимназіею, 9; въ *Калужской*, съ Гимназіею, 18; въ *Тульской*, съ Гимназіею и Александровскимъ Дворянскимъ Училищемъ, 6; всего въ Московскомъ округѣ 194. *По Виленскому округу*: въ *Виленской Губерніи* съ Университетомъ, и Губернскою Гимназіею, Пансіонами и Конвиктами, 174; въ *Гродненской*, съ Гимназіею, 63; въ *Подольской*, 28; *Волынской*, съ Губернскою Гимназіею въ Кременцѣ, 83; въ *Кіевской*, съ Главнымъ Народнымъ Училищемъ, 13; въ *Минской*, съ Гимназіею, 67; въ *Витебской*, съ Гимназіею, 31; въ *Могилевской*, съ Гимназіею, 35; вообще въ Виленскомъ округѣ было училищъ 494. По *Дерптскому округу*: въ *Лифляндской Губерніи*, съ Университетомъ, съ Гимназіею, съ 4-мя Дѣвичьими Училищами, однимъ Навигаціоннымъ, 71; въ *Эстляндской*, съ Гимназіею, Дворянскимъ Училищемъ и 3 Дѣвичьими, 40; въ *Курляндской*, съ Митавскою Академическою Гимназіею, 5-ю Дѣвичьими Училищами, 45; въ *Финляндской Губерніи*, съ Губернскою

Гимназіею, и однимъ Дѣвичьимъ Училищемъ, 12; а вообще въ Дерптскомъ округѣ, 168 училищъ; по *Харьковскому округу*: въ *Слободско-Украинской Губерніи*, съ Университетомъ и Гимназіею, 15; въ *Курской*, съ Гимназіею, 16; въ *Орловской* съ Гимназіею, 19; въ *Воронежской*, съ Главнымъ Народнымъ Училищемъ, 10; въ *Черниговской*, съ Губернскою Гимназіею въ Черниговѣ, и Гимназіею въ Новгородѣ Сѣверскомъ 12; въ *Полтавской*, съ Гимназіею, 10; въ *Екатеринославской*, съ Гимназіею *Губернскою* въ Екатеринославлѣ и *Комерческою* въ Таганрогѣ, 6; въ *Харьковской*, съ Коммерческою Гимназіею въ Одессѣ, 5; въ *Таврической*, въ Землѣ Войска Донскаго, съ Гимназіею въ Черкаскѣ, 8; а вообще въ Харьковскомъ округѣ, 103; по *Казанскому округу*: въ Губерніи *Казанской*, съ Губернскою Гимназіею, 10; въ *Вятской*, съ Главнымъ Народнымъ Училищемъ, 5; въ *Пермской*, съ Главнымъ Народнымъ Училищемъ, 7; въ *Нижегородской*, съ Губернскою Гимназіею, 6; въ *Тамбовской*, съ Главнымъ Народнымъ Училищемъ, 4; въ *Пензенской*, съ Гимназіею, 4; въ *Саратовской*, съ Главнымъ Народнымъ Училищемъ, 2; въ *Астраханской*, съ Губернскою Гимназіею, 3; въ *Оренбургской*, съ Главнымъ Народнымъ Училищемъ, 4; въ *Тобольской*, съ Главнымъ Народнымъ Училищемъ, 4; въ *Томской*,

3; въ *Иркутской*, съ Губернскою Гимназіею, 6; а вообще въ Казанскомъ округѣ, 59. *По округу Санктпетербургскому*: въ *Санктпетербургской Губерніи* съ Педагогическимъ Институтомъ и Губернскою Гимназіею, 68; въ *Новгородской*, съ Гимназіею, 24; въ *Архангельской*, 6; а вообще въ С. Петербургскомъ округѣ 113; въ *Грузіи*: Благородное Училище, всего по всей Имперіи гражданскихъ или народныхъ училищъ къ концу управленія Графа Завадовскаго Министерствомъ Просвѣщенія, находилось 1132. Подробная роспись оныхъ съ особыми наименованіями ихъ городовъ, также съ показаніемъ времени ихъ основанія, времени преобразованія по новому плану, числа учащихъ и учащихся, и выбывшихъ изъ нихъ учениковъ, въ 1809 году напечатана въ XXIII нумерѣ Періодическ. Сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. Роспись сія очевидно доказываетъ быстрое распространеніе наукъ въ нашемъ отечествѣ, а тѣмъ самымъ и ревностное попеченіе какъ Графа Завадовскаго, такъ и начальствъ, дѣйствовавшихъ подъ его руководствомъ.

Со времени увольненія Графа Петра Васильевича отъ управленія Министерствомъ Просвѣщенія, онъ по кончину свою, оставался Предсѣдателемъ въ Государственномъ Совѣтѣ по законодательной части, присут-

ствуя также въ Сенатѣ, въ Совѣтахъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, Института ордена Св. Екатерины и въ Совѣтѣ о Военныхъ Училищахъ. Онъ былъ истинно государственный человѣкъ не по однимъ чинамъ и наименованію: всѣ учрежденія и государственныя заведенія, о коихъ онъ подалъ мысль, или участвовалъ въ нихъ, или имѣлъ порученія сочинить имъ уставы и правила, всѣ тѣ заведенія, какъ съ самаго начала своего, такъ и въ продолженіе многаго времени принесли и понынѣ приносятъ ощутительную пользу, какъ то: вышесказанное учрежденіе о Губерніяхъ понынѣ охраняетъ благоустройство Государства; Заемный Банкъ благодѣтельствуетъ дворянству и капиталистамъ; Ассигнаціонный Банкъ, удержанный въ своихъ правилахъ, сдѣлалъ удобнѣйшимъ обращеніе денегъ. Всѣ таковыя произведенія доказывали собственный изобрѣтательный глубокій его умъ и предвидѣніе; онъ самъ все творилъ по приличію времени, обстоятельствъ и по собственному соображенію и дальновидности. — Какой богатый источникъ государственной мудрости открылся бы, если бы изъ Архивъ прежнихъ Императорскихъ Совѣтовъ и прочихъ высшихъ мѣстъ собрать многочисленныя разныя его мнѣнія, кои въ свое время самому малому числу были извѣ-

стны! Историку его остается, съ великимъ тщаніемъ раскрыть высокія его правила Государственной Науки, долговременными опытами глубокаго ума познанной; напримѣръ, онъ говаривалъ: „Никогда не должно, безъ важной и самой основательной причины, вдругъ истреблять какое либо прежнее учрежденіе; а если что нибудь въ немъ есть дурнаго, постепенно и непримѣтно перемѣнять и улучшивать; никогда не должно въ законоположеніяхъ и учрежденіяхъ упреждать время, а слѣдовать за нимъ“ и проч.

Если бы Графъ и не былъ на такой высокой степени, то и тогда сановитость его заставляла бы, кажется, каждаго оказывать ему почтеніе. Глубокомысліе и важность ясно изображались на лицѣ его. Съ перваго взгляда можно было подумать, что онъ гордъ; но сія гордая и холодная наружность была только слѣдствіемъ углубленной въ свои мысли и неразсѣянной души его; надобно было только осмѣлиться вывести его изъ сего углубленнаго положенія, и онъ начиналъ мало по малу входить въ разговоръ, который отъ часу становился живѣе и занимательнѣе. Доступъ къ нему былъ свободенъ каждому; не было у него назначено пріемныхъ дней: каждый во всякой день могъ приходить къ нему и тотчасъ видѣть его, если онъ не былъ за-

нятъ чѣмъ нибудь дѣйствительно важнымъ; въ послѣднемъ только случаѣ, пообождавъ нѣсколько времени, всякой могъ объяснять ему свою надобность; онъ всегда выслушивалъ благосклонно, снисходительно и со вниманіемъ. Съ самыми небольшими чиновниками, можно сказать, съ людьми мелкими, часто разговаривалъ онъ съ отмѣнною благосклонностію; особенно принималъ онъ ласково одноземцевъ своихъ, всякихъ чиновъ Малороссіянъ, какъ пріѣзжихъ, такъ и въ столицѣ служащихъ, коихъ почти всѣхъ съ удивительною вѣрностію помня происхожденіе и связи, дѣлалъ имъ разные вопросы, отпуская ихъ отъ себя всегда довольными. Никогда не спѣшилъ отвѣтомъ или сужденіемъ въ дѣлахъ; разсматривалъ и разбиралъ дѣло во всѣхъ частяхъ; когда ему докладывали, онъ по большей части все читалъ самъ, и когда дѣлалъ свое заключеніе, тогда уже ни что не могло поколебать его. Проницаніе и даръ предвидѣнія простирались до чрезвычайности; но ничего не было труднѣе, какъ безъ причины узнать его мнѣніе. Онъ былъ молчаливъ, скроменъ, какъ въ своихъ дѣлахъ, такъ и въ государственныхъ.

Благодарность чувствовалъ онъ въ полной силѣ: памятникъ, воздвигнутый имъ Фельдмаршалу Графу Румянцову, вѣчно бу-

детъ свидѣтельствовать оную; часто вспоминалъ и съ сердечнымъ умиленіемъ разсказывалъ остроумныя слова и дѣла дяди своего Ширая, потомкамъ котораго, сверхъ ласковаго обхожденія, оказывалъ вспоможенія, а инымъ и благодѣянія. Признательность къ отличнымъ дарованіямъ и заслугамъ другихъ была у него необыкновенная: онъ всегда съ жаромъ расказывалъ ихъ дѣла и удивлялся ихъ талантамъ—характеръ, единственно принадлежащій великимъ душамъ. Онъ дѣлалъ благодѣянія, но въ такой тайнѣ, что, казалось, хотѣлъ скрыть и отъ самого себя. Посредствомъ его, два родные брата его возведены были въ чины и пріобрѣли нарочитыя состоянія. Есть множество обязаныхъ ему своимъ счастіемъ явно предъ свѣтомъ, а большая часть тайно во глубинѣ души своей благословляютъ дѣлавшаго имъ добро. Кротость его была чрезвычайная; кажется, что вездѣ сопровождало его правило Великой Екатерины II-й: „жить и другимъ давать жить.“ До удивленія былъ снисходителенъ къ слабостямъ и проступкамъ другихъ противъ него, всегда извинялъ оныя и прощалъ. Онъ не былъ ни памятозлобенъ, ни мстителенъ; хотя и могъ бы легко, но ни одного изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ своихъ не сдѣлалъ несчастливымъ, и не причинилъ имъ существен-

наго вреда. За нѣсколько недѣль до его кончины, одинъ изъ прежнихъ коротнихъ его знакомыхъ, который былъ потомъ съ нимъ въ большой и самой сильной враждѣ, пріѣхалъ къ нему съ извинительнымъ объясненіемъ. По выслушаніи его, у почтеннѣйшаго старца наверпулись слезы на глазахъ, и онъ расцѣловалъ сего противника своего, въ которомъ впрочемъ не имѣлъ ни какой нужды.

Послѣ сего въ тотъ день съ восхищеніемъ расказывалъ женѣ своей, что у него былъ сей примирившійся съ нимъ его пріятель. Любя вообще человѣчество, онъ сострадалъ, узнавая о недугахъ даже сторонпихъ, посѣщалъ и по возможности своей утѣшалъ ихъ. Не любилъ вовсе роскоши и жилъ сколько могъ проще, плѣняясь природою съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

Чтеніе книгъ было его страстію, особливо въ поздпія лѣта жизни его; даже за часъ до кончины читалъ онъ книгу, но собственныхъ книгъ имѣлъ немного. Окончивъ дѣла по должности, онъ всегда почти заводилъ разговоръ о предметахъ, до наукъ касающихся; и тутъ-то видѣнъ въ немъ былъ кроткій собесѣдникъ и другъ, вмѣсто прежняго, исправности и точности требующаго начальника; тутъ-то можно было слышать изъ устъ его преисполненныя мыслей мѣста изъ

Латинскихъ и Россійскихъ Стихотворцевъ и другихъ Писателей, Виргилія, Горація и Ломоносова: старецъ былъ весьма чувствителенъ къ красотамъ Поэзіи и вообще къ изяществу.

Съ такими-то добродѣтелями и душевными достоинствами сей великій мужъ, находясь болѣе 50 лѣтъ въ дѣйствительной службѣ, переходилъ всѣ степени, начиная съ самой низшей, заслужилъ довѣріе и благоволеніе Монарховъ и почтеніе отъ всѣхъ вообще; съ такими-то добродѣтелями, на 72 году дѣятельной жизни своей, скончался 10-го Января 1812 года. Передъ кончиною своею показалъ онъ, сколь великою силою и крѣпостію исполнена была душа его. Всѣ Доктора объявили его безъ всякой надежды; онъ задыхался отъ воспаленія въ легкомъ; за три часа до его кончины, другъ его, Князь П. В. Л**, пошелъ къ нему и пробылъ у него около часа. Когда онъ вышелъ, то находившіеся въ другой комнатѣ изъявили ему свое опасеніе о жизни Графа, но Князь отвѣчалъ: „Если бы вы знали, какъ онъ судилъ и о чемъ со мною говорилъ, то вѣрно бы вы такъ не думали. Опасно больные такъ не разсуждаютъ.“ Ибо дѣйствительно послѣ открылось, что онъ разсуждалъ съ нимъ о тѣхъ предметахъ, ко-

торые въ небытность его разсматриваемы были въ Государственномъ Совѣтѣ.

Я могъ бы сообщить много случаевъ, дѣйствій и изреченій Графа Петра Васильевича, въ коихъ отражалась добродѣтельная, твердая и великая душа его, если бы онѣ не были сопряжены съ обстоятельствами, касающимися лицъ живыхъ, изъ коихъ, не знаю, будетъ ли согласно съ скромностію однихъ, и съ самолюбіемъ другихъ, и если бы нѣкоторыя болѣе или менѣе не относились ко мнѣ собственно. — Таковая нерѣшимость причиною и того, что сіе описаніе жизни его для многихъ, можетъ быть, покажется сухимъ. — Пождемъ, время насъ не скромнѣе.

Кончина Гр. П. В. была кончиною истиннаго Христіанина и просвѣщеннаго мужа. Благодарные и признательные чиновники и другія лица здѣшнихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, бывшихъ въ его вѣдомствѣ во время управленія его Министерствомъ Просвѣщенія, а именно: чиновники Департамента Просвѣщенія, Академики Академіи Наукъ и Россійской, Профессоры Педагогическаго Института, чиновники и учители Гимназіи и всѣхъ другихъ здѣшнихъ училищъ, ученики Гимназіи и Студенты Педагогическаго Института, не смотря на то, что онъ скончался спустя уже болѣе полутора года по

увольненіи его отъ сей должности, съ позволенія испрошеннаго мною у преемника его, Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, сопровождали гробъ его торжественнымъ ходомъ впереди въ два ряда въ Александро-Невскій монастырь, гдѣ бренные остатки его покоятся.

Надгробный памятникъ Графа Петра Васильевича составляютъ: бюстъ его изъ бѣлаго мрамора, на четырехъ-угольномъ изъ пеплоиднаго мрамора пьедесталѣ; по правую сторону бюста у пьедестала обратившій къ бюсту скорбный взоръ геній сидитъ съ потухшимъ факеломъ, въ лѣвой рукѣ, внизъ склоненнымъ, а въ правой рукѣ держитъ вѣнокъ; по лѣвую сторону бюста, плачущая женская фигура облокотилась на верхній край пьедестала; обѣ фигуры генія и жены, изъ чистаго бѣлаго мрамора. Все это утверждено на гранитномъ помостѣ подъ четыреугольнымъ продолговатымъ, утвержденнымъ на четырехъ дорожчатыхъ столбахъ изъ сѣраго гранита навѣсѣ. На передней сторонѣ пьедестала надписано:

„D. O. M.

Графъ Петръ Васильевичъ

Заводовской.

Другъ человѣчества, родился въ 1739 году.

Предводительствовалъ разными дѣлами, пріобрѣлъ колѣну своему Графское достоинство;

скончался въ 1812 году
Генваря 10 дня."

На задней сторонѣ пьедестала написано:

„Сей памятникъ
воздвигнутъ супругою его
Г. В. Н. Заводовской
Урожденной Г. Апраксиной."

Надписи сіи списалъ я въ такомъ точно порядкѣ и съ тѣмъ правописаніемъ, съ какимъ онѣ вырѣзаны на памятникѣ; о послѣднемъ не льзя не пожалѣть. — Высокая простота души Г. Петра Васильевича, конечно, отринула бы такое пышное надгробіе; но по смерти насъ не спрашиваютъ. Подобныя выставки нужны для живыхъ, мертвые живутъ своими дѣлами, которыми Завадовскій пребудетъ вѣченъ въ Исторіи Просвѣщенія нашего отечества.

Не изъ слабости выказывать себя съ доброй стороны, скажу здѣсь, что я часто посѣщаю могилу его, и бывшаго Товарищемъ его по Министерству Просвѣщенія, Тайнаго Совѣтника Михайла Никитича Муравьева. — Оба они мои Меценаты: они извлекли меня изъ неизвѣстности, и если я

сдѣлалъ что либо полезное для отечества, они тому первѣйшіе виновники. — Не зная меня лично, они взыскали меня и выставили, если смѣю такъ сказать, на свѣтъ. — Удивительно ли послѣ сего покажется мое поклоненіе священнымъ для меня тѣнямъ ихъ? Давно уже не слезы проливать хожу къ нимъ: имъ было свое время; мнѣ пріятно только пробыть нѣсколько минутъ между тѣми, кому обязанъ я своимъ счастіемъ, подъ чьимъ начальствомъ служилъ столько лѣтъ, не чувствуя, что служилъ: начальники, подобные имъ, не умѣютъ дать почувствовать бремя должностей; умѣютъ позолотить желѣзную палицу подчиненности. — Переходя отъ одного памятника къ другому, кажется, какъ съ живыми, бесѣдую съ ними; кажется, изъ подъ камней они дышатъ ко мнѣ благосклонностію и довѣріемъ, которое одушевляло меня въ многоразличныхъ должностяхъ моихъ. — О! нѣтъ, не изъ слабости посѣщаю могилы моихъ благодѣтелей, но изъ неизъяснимаго удовольствія, — чувствовать, что я не камень.

Иванъ Мартыновъ.

III.

НАРОДНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

Воловья травля въ Испаніи.

Въ *Revue de Paris* напечатано о семъ зрѣлищѣ письмо Г-на Мериме (*Mérimée*), изъ Мадрита, отъ 25 Октября 1830, къ Издателю помянутаго Журнала; оно заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности о семъ увеселеніи Испанцевъ, и потому предлагаемъ переводъ онаго нашимъ читателямъ.

„Воловья травля еще весьма употребительна въ Испаніи; но изъ Испанцевъ высшихъ состояній немногіе не чувствуютъ нѣкотораго стыда, сознаваясь въ пристрастіи своемъ къ сему роду зрѣлищъ, безъ сомнѣнія весьма жестокому; потому-то и стараются они оправдать оное многими важными причинами. Во-первыхъ, это народная забава. Одного слова народная, было бы уже достаточно. Далѣе, говорятъ они, Римляне были еще жестокосердѣе насъ, ибо заставляли сражаться людей съ людьми. Наконецъ, прибавляютъ экономы: земледѣліе получаетъ выгоду отъ сей забавы, ибо высокая цѣна боевыхъ быковъ заставляетъ хозяевъ разводить многочисленныя стада. Надобно замѣтить, что не всѣ быки имѣютъ то достоинство, что бросаются на людей и на лоша-

дей, и что изъ двадцати быковъ едва найдется одинъ храбрый, который бы могъ явиться въ циркѣ; остальныя девятнадцать употребляются для земледѣлія. Единственный доводъ, котораго не смѣютъ представить, и на который однако же нѣчего было бы возразить, есть тотъ, что сіи зрѣлища, жестокія ли, нѣтъ ли, столь занимательны, столь приманчивы, и производятъ столь сильныя чувствованія, что невозможно противиться онымъ, когда однажды уже перенесешь впечатлѣніе перваго зрѣлища. Иностранцы, которые въ первый разъ идутъ на оныя съ какимъ-то ужасомъ, и только для того, чтобы по совѣсти исполнить обязанность путешественниковъ, вскорѣ пристращаются къ травлѣ быковъ точно такъ же, какъ и самые Испанцы. Къ стыду человѣчества должно признаться, что война, со всѣми ея ужасами, имѣетъ необыкновенную прелесть, особенно для тѣхъ, кто въ безопасности смотритъ на нее.

„Святый Августинъ разсказываетъ, что въ молодости своей имѣлъ чрезвычайное отвращеніе отъ борьбы гладіаторовъ, которой онъ никогда не видалъ. Будучи принужденъ однимъ изъ друзей своихъ итти съ нимъ на одно изъ сихъ зрѣлищъ, онъ поклялся не открывать глазъ во все продолженіе онаго.

*

Сначала онъ довольно хорошо исполнялъ свое обѣщаніе, и старался думать о чемъ нибудь другомъ; но вдругъ народъ закричалъ, увидѣвъ паденіе одного изъ гладіаторовъ, онъ открылъ глаза — и уже болѣе не могъ закрыть ихъ. Съ того времени до самаго обращенія своего былъ онъ одинъ изъ страстнѣйшихъ любителей цирка.

„Послѣ такого великаго Святаго, мнѣ стыдно говорить о себѣ; однако же вы знаете, что я не имѣю вкуса Антропофаговъ. Когда я въ первый разъ вошелъ въ циркъ въ Мадритѣ, то боялся, что не перенесу зрѣлища крови, которую тамъ щедро проливаютъ; болѣе всего боялся я того, чтобы чувствительность моя, которой я не слишкомъ довѣрялъ, не сдѣлала меня смѣшнымъ въ глазахъ закоснѣлыхъ любителей, давшихъ мнѣ мѣсто въ своей ложѣ. Но ничего не бывало: первый быкъ явился, былъ убитъ — и я уже не думалъ объ уходѣ. Прошли два часа безъ малѣйшаго междудѣйствія, и я еще не былъ утомленъ. Никакая трагедія въ свѣтѣ не занимала меня до такой степени. Во время пребыванія моего въ Испаніи не пропустилъ я ни одной травли, и признаюсь со стыдомъ, что предпочитаю бой на смерть тѣмъ, въ которыхъ только дразнятъ быковъ, у конхъ на рога надѣты шары. То же

различіе между сраженіемъ на животъ и на смерть, и турниромъ съ тупыми копьями. Впрочемъ оба рода сраженій имѣютъ много сходства между собою; только во второмъ для людей нѣтъ почти никакой опасности.

„День наканунѣ травли есть уже праздникъ. Для избѣжанія приключеній, быковъ приводятъ въ стойла цирка (encierro) ночью, а днемъ они пасутся на пастбищѣ недалеко отъ Мадрита (el arroyo). На сихъ быковъ, часто приводимыхъ издалека, ходятъ смотрѣть вмѣсто прогулки; множество каретъ, всадниковъ и пѣшеходовъ стремятся къ арройо. Многіе молодые люди въ семъ случаѣ надѣваютъ красивый нарядъ Андалузскаго маіо (majo, щеголь низшаго класса народа), и выказываютъ великолѣпіе и роскошь, несовмѣстныя съ обыкновенною одеждою. Впрочемъ прогулка сія не безъ опасности: быки на волѣ, проводники съ трудомъ заставляютъ ихъ повиноваться, и любопытные сами должны заботиться о томъ, какъ бы избѣжать удара рогами.

„Почти во всѣхъ большихъ городахъ Испаніи есть цирки (plazas); они построены весьма просто, чтобы не сказать грубо; это вообще большіе деревянные сараи, и объ амфитеатрѣ въ Рондѣ отзываются какъ о чудѣ, потому что онъ каменный. Онъ самый

лучшій въ Испаніи, такъ же какъ замокъ Тундертентронкъ въ Вестфаліи былъ прекраснѣйшимъ потому, что имѣлъ дверь и окна. Но какое дѣло до декорацій театра, когда представленіе прекрасно!

„Циркъ Мадритскій можетъ помѣстить въ себѣ до семи тысячъ зрителей, которые входятъ и выходятъ безъ замѣшательства въ большое число дверей. Сидятъ въ немъ на скамейкахъ, деревянныхъ или каменныхъ; въ нѣкоторыхъ ложахъ есть стулья. Ложа Короля одна только убрана довольно красиво.

„Площадь окружена крѣпкимъ палисадомъ, вышиною около шести футовъ. Въ двухъ футахъ отъ земли придѣланъ къ палисаду, кругомъ всей площади и съ обѣихъ сторонъ палисада, деревянный уступъ, родъ ступени или стремени, который служитъ преслѣдуемому тореадору къ удобнѣйшему переходу чрезъ палисадъ. Узкій проходъ отдѣляетъ сей барьеръ отъ ступеней, на которыхъ сидятъ зрители, и которыя наровнѣ съ барьеромъ, и кромѣ того защищаются двойнымъ канатомъ, прикрѣпленнымъ къ шестамъ. Эту предосторожность начали употреблять назадъ тому нѣсколько лѣтъ, ибо однажды быкъ перескочилъ чрезъ палисадъ — что часто случается — и бросился на ступени,

гдѣ перебилъ или изувѣчилъ множество зрителей. Натянутый канатъ полагается достаточнымъ для предупрежденія впредь таковаго несчастія.

„На площадь выходятъ четверо дверей, одна изъ стойла быковъ (toril), другая изъ бойни (matadero), гдѣ обдираютъ и раздѣляютъ на части убитыхъ быковъ, а двѣ остальныя назначены для людей — актеровъ въ сей трагедіи.

„Предъ правлею, тореадоры сбираются въ залѣ возлѣ цирка; близъ оной находятся и лошадиныя конюшни, далѣе больница; лекарь и Священникъ находятся по близости, въ готовности подать помощь раненымъ.

„Зала, служащая сборнымъ мѣстомъ, украшена образомъ Мадоны, предъ коимъ теплятся свѣчи; подъ нимъ стоитъ столъ съ небольшею жаровнею и въ ней горящія уголья. Каждый тореро, входя туда, снимаетъ шляпу предъ образомъ, пробормочетъ наскоро какую нибудь молитву, потомъ вынимаетъ изъ кармана сигару, зажигаетъ въ жаровнѣ, куритъ, разговаривая съ своими товарищами и любителями, которые приходятъ туда разсуждать съ ними о достоинствѣ быковъ, съ которыми они должны сражаться.

„Между тѣмъ, на внутреннемъ дворѣ, всадники, которые должны биться верхомъ,

готовятся къ сраженію и пробуютъ своихъ лошадей. Для этого они пускаютъ ихъ въ галопъ противъ стѣны, въ которую ударяютъ длиннымъ шестомъ въ видѣ пики, и потомъ, не оставляя сей опоры, пріучаютъ лошадей быстро поворачиваться, и сколь можно ближе къ стѣнѣ. Вы вскорѣ увидите, что сіе упражненіе не безполезно. Употребляемыя для сего лошади суть обракованныя, и покупаются дешевою цѣною. Предъ выѣздомъ на площадь, чтобы онѣ не испугались крика толпы и вида быковъ, имъ завязываютъ глаза и кладутъ въ уши намоченную паклю.

„Циркъ представляетъ весьма живую картину. Предъ сраженіемъ, площадь бываетъ наполнена народомъ, а уступы и ложи представляютъ смѣшанную массу головъ. Мѣста бываютъ двухъ родовъ: тѣ, которыя въ тѣни, дороже и спокойнѣе; но солнечная сторона всегда наполнена неустрашимыми любителями. Женщинъ видно гораздо менѣе, нежели мужчинъ, и большая часть изъ нихъ принадлежатъ къ классу горничныхъ (manolas). Въ ложахъ мелькаютъ однако же нѣкоторыя хорошо одѣтыя дамы, но мало молодыхъ. Французскіе и Англійскіе Романы недавно начали развращать Испанокъ и истребляютъ въ нихъ уваженіе къ древнимъ отечественнымъ обычаямъ. Не думаю, чтобы духовнымъ за-

прещено было присутствовать при сихъ зрѣлищахъ; однако же я видѣлъ только одного въ своей одеждѣ, въ Севиллѣ: мнѣ сказывали, что многіе изъ нихъ ходятъ туда переодѣтые.

„По знаку, данному Предсѣдателемъ правили, одинъ алгвазилъ-маіоръ съ двумя алгвазилами, въ Криспиновомъ костюмѣ, всѣ трое верхомъ, и съ отрядомъ кавалеріи, очищаютъ площадь и узкій проходъ, отдѣляющій оную отъ зрителей. По выходѣ ихъ является герольдъ, съ нотаріусомъ и конными алгвазилами, и среди площади читаетъ запрещеніе бросать что нибудь на площадь, мѣшать бойцамъ крикомъ или знаками, и пр. Едва появится герольдъ, какъ, не смотря на формулу: „именемъ Короля, нашего Государя, котораго Богъ да продлитъ вѣкъ.....“ со всѣхъ сторонъ поднимется крикъ и свистъ, и продолжается во все время чтенія запрещенія, которое впрочемъ никогда не соблюдается. Въ циркѣ, и только въ циркѣ, народъ повелѣваетъ какъ властелинъ, и можетъ говорить и дѣлать все, что ему угодно.

„Есть два главные класса тореровъ: пикадоры (picadors), которые сражаются на лошади, вооруженные пикою, и хулосы (chulos), пѣшіе, которые мучатъ быка, размахивая тканями яркихъ цвѣтовъ. Въ числѣ послѣднихъ находятся бандериллеросы (banderilleros)

и матадоры (matadors), о коихъ я буду говорить. Всѣ они въ Андалузской одеждѣ, почти такой, какъ на Фигаро въ Севильскомъ Цирюльникѣ; но вмѣсто исподняго платья и шелковыхъ чулковъ, пикадоры надѣваютъ панталоны изъ толстой кожи, обшитые деревомъ и желѣзомъ, для предохраненія ногъ и ляшекъ отъ ударовъ рогами. Они не могутъ ходить иначе, какъ раскорячась, въ видѣ циркуля, и если упадутъ, то не могутъ встать безъ помощи хулосовъ. Сѣдла у нихъ очень высокія, похожія на Турецкія, съ желѣзными стременами, похожими на деревянные башмаки, которыя совершенно закрываютъ ногу. Для понужденія лошадей, шпоры у нихъ двухъ дюймовъ длиною. Пики у нихъ толстыя, крѣпкія, съ весьма острымъ желѣзнымъ наконечникомъ; но поелику надобно продлить удовольствіе, то на нихъ намотываютъ веревки, такъ что наконечникъ входитъ въ тѣло быка не болѣе, какъ на дюймъ.

„Предсѣдатель травли бросаетъ ключъ, который одинъ изъ конныхъ алгвазиловъ ловитъ въ шляпу. Этотъ ключъ ничего не отпираетъ; но алгвазилъ отдаетъ оный человѣку, который долженъ отворить ториль, и тотчасъ пускается въ скачь, сопровождаемый насмѣшками толпы, которая кричитъ ему, что быкъ уже вышелъ и преслѣдуетъ

его. Эта шутка повторяется при каждой правлѣ.

„Между тѣмъ пикадоры заняли свои мѣста. Обыкновенно бываетъ ихъ на площади двое верхомъ; двое или трое другихъ стоятъ внѣ площади, готовые замѣнить ихъ въ случаѣ какого приключенія, какъ-то смерти или сильнаго ушиба или поврежденія. Человѣкъ двѣнадцать хулосовъ разстанавливаются по площади, такъ чтобы, въ случаѣ нужды, могли оказать другъ другу помощь.

„Быкъ, предварительно разъяренный съ намѣреніемъ, въ клѣткѣ его (его колютъ и трутъ селитряной кислотою), выходитъ въ бѣшенствѣ. Онъ обыкновенно съ размаху выбѣгаетъ на средину, и вдругъ останавливается, изумленный шумомъ, который слышитъ, и зрѣлищемъ, которое его окружаетъ. На загривкѣ воткнутъ ему въ кожу небольшой крючекъ, на которомъ привязаны ленты; цвѣтъ оныхъ означаетъ, изъ какого онъ стада (vacada); но опытный охотникъ съ одного взгляда на быка узнаетъ и безъ лентъ, изъ какой онъ области и къ какому роду принадлежитъ.

„Хулосы приближаются, машутъ своими яркими капишонами, и стараются привлечь быка къ одному изъ пикадоровъ. Если быкъ храбръ, то немедленно нападаетъ. Пикадоръ,

подобравъ лошадь, взявъ пику подъ мышку, становится прямо противъ быка, и въ ту минуту, какъ быкъ наклоняетъ голову, чтобы ударить рогами, онъ поражаетъ его пикою прямо въ загривокъ, а не въ другое мѣсто (*); онъ налегаетъ при семъ всею силою, и вмѣстѣ съ тѣмъ пускаетъ лошадь мимо быка слѣва, чтобы оставить его съ правой стороны. Если всѣ сіи движенія хорошо исполнены, если пикадоръ силенъ, лошадь поворотлива, то быкъ, увлеченный своею стремительностію, пробѣгаетъ мимо его, не дотронувшись. Тогда хулосы должны занять быка, чтобы дать пикадору время удалиться; но часто быкъ очень хорошо узнаетъ того, кто нанесъ ему ударъ, внезапно оборачивается, догоняетъ лошадь, ударяетъ ее рогами въ брюхо, и опрокидываетъ вмѣстѣ съ всадникомъ. Ему тотчасъ помогаютъ хулосы; одни поднимаютъ его, другіе отвращаютъ отъ него быка, накидывая ему на голову свои

(*) Однажды я видѣлъ одного поверженнаго пикадора, который былъ бы убитъ, если бы не избавилъ его товарищъ, заставивъ быка податься назадъ ударомъ пики по носу. Обстоятельство служило извиненіемъ; не смотря на то, старые охотники кричали: „какой срамъ! ударъ пикою по носу! Этого человѣка надобно бы согнать съ площади!“

капишоны, привлекаютъ его къ себѣ, и убѣгаютъ отъ него къ барьеру, на который вскакиваютъ съ удивительною легкостію. Испанскіе быки бѣгаютъ такъ же быстро, какъ и лошади, и если хулосъ далеко отъ барьера, то ему мудрено убѣжать отъ быка. Потому-то всадники, коихъ жизнь всегда зависитъ отъ ловкости хулосовъ, рѣдко отваживаются на средину площади, и когда дѣлаютъ это, то сіе почитается чрезвычайною смѣлостію.

„Ставъ на ноги, пикадоръ тотчасъ опять садится на лошадь, если она можетъ встать. Не заботятся о томъ, что несчастное животное истекаетъ кровью, что внутренности ея волочатся по землѣ и запутываются въ ногахъ ея; покуда лошадь можетъ ходить, она должна итти противъ быка. Если она не встаетъ, пикадоръ тотчасъ уходитъ съ площади и немедленно является на другой лошади.

„Ударъ пикою можетъ нанести быку только легкую рану, и дѣйствительно только раздражаетъ его. Но напоръ лошади и всадника, сильное движеніе, особенно внезапныя остановки на поджилкахъ, утомляютъ его довольно скоро. Часто и боль отъ ударовъ пикою лишаетъ его мужества, и тогда онъ уже не смѣетъ нападать на лошадей,

или, говоря тавромахическимъ языкомъ, онъ отказывается входить. Однако же, если онъ силенъ, онъ до того еще успѣетъ убить четырехъ или пять лошадей. Тогда пикадоры отдыхаютъ, и подается знакъ бросать бандериллы.

„Это палки, длиною около двухъ футовъ съ половиною, обверченныя изрѣзанною бумагою, съ острымъ зубчатымъ концемъ для того, чтобы она осталась въ тѣлѣ. Хулосы въ каждой рукѣ держатъ по такой палкѣ. Самый вѣрный способъ, чтобы поразить онымъ, слѣдующій: должно подкрасться къ быку сзади, и вдругъ раздразнить его, стуча концами палки одинъ о другой; изумленный быкъ оборачивается, и тотчасъ бросается на своего непріятеля. Въ ту минуту, какъ онъ, нагнувъ голову для удара, почти касается его, хулосъ вонзаетъ ему вдругъ обѣ бандериллы съ обѣихъ сторонъ шеи, что можетъ сдѣлать не иначе, какъ находясь на мгновеніе близъ самаго быка, почти между его рогами: потомъ увертывается, даетъ быку дорогу, и спасается къ барьеру. Малѣйшая оплошность, одно мгновеніе недоумѣнія или испуга стоили бы жизни. Но знатоки почитаютъ должность бандериллера наименѣе опасною. Если по несчастію, вонзая бандериллы, онъ упадетъ, то не долженъ пытаться встать,

но остается неподвижнымъ на мѣстѣ, гдѣ упалъ. Быкъ рѣдко бьетъ лежачаго, не изъ великодушія, но потому что, нападая, онъ закрываетъ глаза, и переходитъ чрезъ человѣка, не замѣчая его. Иногда однако же онъ останавливается, обнюхиваетъ его, какъ будто для того, чтобы увѣриться, дѣйствительно ли онъ мертвъ; потомъ, отойдя нѣсколько шаговъ, наклоняетъ голову, чтобы поднять его на рога; но товарищи бандерильера окружаютъ быка и принуждаютъ его оставить лежачаго.

(Окончаніе впредь.)

IV.

АНТИКРИТИКА.

1.

Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Грибоѣдовъ.

Въ 23-мъ No Литературной Газеты напечатана критика на мое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Путешествіе по Германіи, Италіи, Швейцаріи, Франціи, Англіи и Нидерландамъ въ* 1828 *и* 1829 *годахъ, содержащее въ себѣ описаніе главныхъ городовъ Европы, учебныхъ, богоугодныхъ и лечебныхъ заведеній, увеселительныхъ мѣстъ и другихъ достопримѣчательностей.* **Ч. 1-я и 2-я.**

Рецензентъ говоритъ: „Въ сихъ двухъ частяхъ описаны владѣнія Императора Австрійскаго, Италія, Швейцарія и Франція. Города, на которые Сочинитель преимущественно обратилъ вниманіе, суть: Вѣна, Венеція, Римъ, Неаполь, Флоренція, Пиза, Генуа, Павія, Миланъ, Минхенъ и Парижъ."

„Судя по званію Сочинителя, продолжаетъ онъ, мы надѣялись найти въ этой книгѣ Физико-Топографическое описаніе странъ, которыя онъ посѣщалъ, или по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ городовъ, имъ видѣнныхъ, съ разсужденіями о дѣйствіяхъ климатовъ и мѣстныхъ причинъ на здоровье, и вообще, на физическое состояніе жителей. Еще болѣе мы ожидали, что Авторъ подробно изобразитъ по крайней мѣрѣ примѣчательнѣйшія Медико-Хирургическія школы въ Европѣ и представитъ читателямъ отчеты своихъ наблюденій объ ученіи, господствующемъ въ каждой изъ сихъ школъ, о существенныхъ различіяхъ между ними, о знаменитѣйшихъ современныхъ Врачахъ, ихъ системахъ, способахъ врачеванія и пр. и пр. Тогда, кажется, путешествіе сіе болѣе было бы сообразно съ цѣлью, которую Авторъ предначерталъ себѣ и изъяснилъ въ своемъ предисловіи, говоря, что онъ желалъ по мѣрѣ силъ своихъ быть полезнымъ отечеству и отправился въ чужіе краи, дабы усовершенствовать себя въ пріобрѣтенныхъ имъ познаніяхъ, „и что главною цѣлію его путешествія было узнать состояніе Врачебныхъ Наукъ въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы."

Чего вы, Г. Рецензентъ, ожидали отъ пу-
„шествественника, объѣхавшаго въ теченіе двухъ

„лѣтъ Германію, Италію, Швейцарію, Францію,
„Англію и Нидерланды, физико-топографическаго
„описанія сихъ странъ, это доказываетъ (изви-
„ните) ваше невѣжество; ибо для составленія
„физико-топографическаго описанія какой нибудь
„страны, требуется по крайней мѣрѣ пяти или
„шести-лѣтнее въ ней пребываніе. Едва о чет-
„вертой части тѣхъ Государствъ, въ которыхъ
„я путешествовалъ, имѣется медико-топографи-
„ческое описаніе, а вы ожидали отъ меня испол-
„ненія того въ теченіе двухъ лѣтъ, что могутъ
„совершить развѣ нѣсколько тысячъ Натурали-
„стовъ и Медиковъ въ теченіе нѣсколькихъ сто-
„лѣтій; Докторское мое званіе не даетъ вамъ ни
„какого права требовать отъ меня невозможнаго.
„—Какой подробности хотите вы въ описаніяхъ
„Медико-Хирургическихъ Школъ, объ ученіи го-
„сподствующемъ въ нихъ, и проч.? Все сіе описа-
„но мною столь подробно, что каждый образо-
„ванный Медикъ, читая мои наблюденія со внима-
„ніемъ, можетъ совершенно узнать состояніе
„Врачебныхъ Наукъ въ просвѣщеннѣйшихъ стра-
„нахъ Европы. Я описывалъ вездѣ сущность мало
„извѣстныхъ способовъ леченія; о способахъ же
„врачеванія, извѣстныхъ всѣмъ образованнымъ Ме-
„дикамъ, я полагалъ излишнимъ упоминать. По-
„дробнымъ изложеніемъ системъ знаменитѣйшихъ
„современныхъ Врачей я также не могу вамъ
„служить по одной, весьма простой причинѣ: зна-
„менитѣйшіе наши Европейскіе Врачи не имѣютъ
„собственныхъ системъ, а выдумать ихъ въ угож-
„деніе вамъ я не намѣренъ. Впрочемъ, прочтя мое

„путешествіе со вниманіемъ, вы найдете, что въ „немъ упомянуты всѣ новѣйшія врачебныя си„стемы.“

Вмѣсто всего вышесказаннаго, предметы медицинскіе занимаютъ почти второстепенное мѣсто въ описаніяхъ Г. Ниберга; самъ онъ говоритъ въ концѣ предисловія: „любителей и знатоковъ Врачебныхъ Наукъ прошу извинить меня, если нѣкоторые предметы, относящіеся къ Медицинѣ, описаны мною кратко; ибо я поставлялъ себѣ за правило, описывать единственно то, что видѣлъ лично, и въ чемъ совершенно удостовѣрился. Кратковременное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пребываніе лишало меня возможности входить въ подробное описаніе оныхъ.“ Сія оговорка можетъ служить только слабымъ извиненіемъ. — Привязчивый читатель скажетъ: „для чего же писать о такихъ предметахъ слегка и какъ бы мимоходомъ?“ И будетъ правъ.

„Привязчивому читателю я скажу въ отв„ѣтъ, что кратко описаны мною только такіе „медицинскіе предметы, о существованіи кото„рыхъ знать надобно, но которые я нечаянно „находилъ проѣздомъ въ малыхъ городахъ, гдѣ я, „по плану своего путешествія, не располагалъ „останавливаться. Впрочемъ такихъ предметовъ „весьма мало въ моемъ путешествіи; всѣ они опи„саны съ достаточною, но, надѣюсь, не утоми„тельною подробностію. Къ медицинскимъ пред„метамъ, описаннымъ мною кратко, принадлежатъ: „болѣзнь одной женщины въ госпиталѣ г. Ви„тербо (см. ч. 1 стр. 244), которую я подробно „изслѣдовать не могъ, ибо лошади мною наняты „были въ Римѣ до Флоренціи; по сей же причинѣ

„не могъ я оставаться въ г. Сіенѣ (см. 1 ч. стр. „246) для изслѣдованія успѣха пользованія по „ученію Гиппократа; но надѣюсь, что всѣ мои „читатели-Медики не безъ удовольствія про„чтутъ краткія замѣчанія о сихъ предметахъ, и „навѣрно вмѣстѣ со мною пожалѣютъ, что я ли„шенъ былъ возможности подробнѣе изслѣдовать „сіи предметы. — Что, Г.г., правъ ли вашъ при„вязчивый читатель? — Я думаю, что нѣтъ.“

Путешествій, въ родѣ изданнаго Г. Нибергомъ, очень много; почти каждый Англійскій Туристъ(*) издаетъ подобныя отмѣтки, сдѣланныя карандашемъ при бѣгломъ обозрѣніи иностранныхъ городовъ и ихъ достопамятностей.

„Вы, Г.г., сами себѣ противорѣчите, и тѣмъ „явно доказываете пристрастное ваше сужденіе о „моемъ сочиненіи. Въ началѣ вашей критики вы го„ворите, что я преимущественно *обращалъ вниманіе* „на города Вѣну, Венецію, Римъ, Неаполь, Флорен„цію, Пизу, Геную, Павію, Миланъ, Мюнхенъ и „Парижъ. Что я на сіи города обратилъ преи„мущественно мое вниманіе, вы увидѣли изъ мо„ихъ описаній сихъ городовъ. Если кто обра„щаетъ вниманіе на какой нибудь предметъ, то „долженъ разсматривать оный подробно и про„должительно: какъ же вы можете послѣ сего „сравнивать мое путешествіе съ сочиненіями „Туристовъ, которые, по собственнымъ вашимъ „словамъ, издаютъ отмѣтки, писанныя каранда„шемъ при *бѣгломъ обозрѣніи иностранныхъ городовъ*

(*) Tourist — такъ Англичане называютъ своихъ соотечественниковъ, кочующихъ по Европѣ отъ праздности или для разогнанія сплина.

„и ихъ достопамятностей? Очернить сочиненіе, „оскорбить Сочинителя не справедливымъ отзы„вомъ легко; но хорошо ли это, Г. Рецензентъ? „Мнѣ кажется, что это не дѣлаетъ вамъ большой „чести.“

Впрочемъ, если Г. Нибергъ думалъ доставить пользу нашимъ соотечественникамъ указаніемъ достопримѣчательностей каждаго города, то долженъ былъ бы стараться, чтобъ его описанія, особливо тѣ, гдѣ онъ упоминаетъ о произведеніяхъ Изящныхъ Искусствъ, были полнѣе и живѣе, по крайней мѣрѣ не столь сухи и сжаты. Что узнаемъ мы, напр. о памятникѣ Герцогини Маріи Христины (одномъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній Кановы, находящемся въ Вѣнской церкви св. Августина) изъ слѣдующихъ словъ: „Памятникъ сей есть произведеніе знаменитаго Кановы. Онъ изсѣченъ изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора. — И только — А мысль художника? а геніальная группировка фигуръ? а совершенство выполненія? Неужели на все это путешественникъ взглянулъ мелькомъ и холодно? О Флорентинской галлереѣ сказано только, что она *есть*, и что въ ней есть картины и статуи.

„Цѣль каждаго Сочинителя есть доставить „пользу и удовольствіе своимъ читателямъ, почему онъ долженъ всячески избѣгать безполезныхъ и „скучныхъ описаній. Самыя подробныя описанія „картинъ, статуй и фигуръ никогда не могутъ „дать надлежащаго понятія о нихъ читателю, „невидавшему никогда сего произведенія Искусства; таковыя описанія совершенно безполезны „и читателю наводятъ скуку; это дознано опы-

„томъ. Посему о таковыхъ произведеніяхъ упоми-
„налъ я крашко и наименовалъ только всѣ досто-
„примѣчательнѣйшія произведенія, дабы путеше-
„ственникъ, войдя въ хранилище изящныхъ произ-
„веденій, могъ знать, на что обратить преиму-
„щественно свое вниманіе.

Если же принимать книгу Г. Ниберга просто, какъ *указатель* или путеводитель, то въ семъ отношеніи она должна уступить Рейхардову: Guide des Voyageurs en Europe, еще болѣе Италіянской книгѣ Itinerario Italiano, и всѣмъ мѣстнымъ указателямъ и путеводителямъ, кои можно найти въ каждой столицѣ Европы. Всѣ сіи книги гораздо полнѣе и подробнѣе Путешествія Г. Ниберга, даже и въ отношеніи къ главному его предмету, т. е. описанію врачебныхъ и благотворительныхъ заведеній.

„Изъ вышеречennаго ясно видно, что вы су-
„дите о моемъ сочиненіи пристрастно: посему
„доказывать несправедливость вашихъ сужденій
„была бы безполезная потеря времени.

А время вещь такая.....

„Вспомните сами остальное, почтенный мой
„критикъ!“

Р. Ниберъ.

2.

Письмо къ Издателю.

Въ 17 No Сына Отечества встрѣтилъ *я*, къ удивленію моему, грубости нѣкоего Г. Карпова, которыя онъ говоритъ осмѣлившимся усомниться

въ знаменитости Артистовъ нашихъ, Г. и Г-жи Каратыгиныхъ. Большая часть этихъ выходокъ обращены на меня.

Прошу васъ, Милостивый Государь, довести чрезъ Сына Отечества до свѣдѣнія Г. Карпова, что я однажды навсегда поставилъ себѣ правиломъ не отвѣчать на литературныя грубости, потому, что

Эти
Грубости
Дѣти
Глупости.

(О чемъ уже и имѣлъ честь объявить тѣмъ, до кого сіе касается, чрезъ С. О. прошлаго года)

Примите увѣреніе и проч.

Михаилъ Яковлевъ.

3.

Отъ Андреева Г-ну Карпову.

Читалъ, сударь, я вашу Антикритику въ No 17 Сына Отечества. Мила, нѣчего сказать. Позвольте мнѣ предложить вамъ на нее нѣсколько замѣчаній.

1. Упоминая, что зрители выходятъ не только въ антрактахъ, но и въ другое время въ корридоры, чтобъ подышать прохладою и освѣжиться отъ всего того, что слышали и видѣли, вы сами подтверждаете мое замѣчаніе, что прудъ-

но высидѣть цѣлое представленіе, тѣмъ болѣе, когда пьесу видишь не въ первый разъ.

2. Вы говорите, что не бываетъ ваканцій Актеровъ. Извините, у насъ много такихъ ваканцій.

3. Если правда, что критики производятъ въ васъ смѣхъ, зачѣмъ же вы отъ нихъ такъ бѣснуетесь?

4. Въ статьѣ моей *я* ни на кого не мѣтилъ, говорилъ объ Артистахъ вообще. Вы же относите выраженія: *мишурный царь, крылья телеграфа, звучный голосъ,* на счетъ Г. Каратыгина. Помилуйте! Да что онъ вамъ сдѣлалъ? за что вы такъ его обижаете? Вѣдь, кажется, вы взялись за перо, чтобъ защитить его? Никто и никогда не сомнѣвался въ превосходномъ талантѣ Г - на и Г - жи Каратыгиныхъ; но онъ Актеръ трагическій, а она Актриса комическая; онъ въ Комедіяхъ играть вовсе не умѣетъ, а она въ Трагедіяхъ просто не хороша. Вотъ вамъ мое мнѣніе, ясно и откровенно изложенное. Хлопанье толпы ничего не значитъ. Вы сами говорите: *то не похвала, когда невѣжда хвалитъ* — посмотрите же на фигуры нашихъ безусловныхъ хлопальщиковъ. Не разъ случалось мнѣ замѣчать, что хорошіе Актеры, неослѣпленные глупымъ тщеславіемъ, стыдились вызововъ, и досадовали на эти громкія хвалы гораздо болѣе, нежели на самыя привязчивыя критики Журналовъ.

5. Вы изъявляете сомнѣніе въ томъ, что у насъ *прежде сего* хорошіе Писатели занимались Драматическою Литературою? Вспомните Озеро-

ва, Крылова, Крюковскаго, Жандра, Грибоѣдова, Гнѣдича, и исчислите нынѣшнихъ.

6. Вы говорите, что *успѣхъ* драматическаго произведенія опредѣляется *числомъ* собравшихся въ театръ зрителей. Но мы говорили о *достоинствѣ*. Къ кому же теперь обратить слова: „стыдъ и смѣхъ?“

7. Вы утверждаете, что я съ яростью нападаю на Гг. Карамзиныхъ. Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь: я съ невольнымъ чувствомъ негодованія отзывался о тѣхъ Критикахъ, которые своими неумѣренными, безусловными и безстыдными хвалами вредятъ симъ превосходнымъ Артистамъ. Прочтите еще разъ статью Г. Александрова: что другое могло бы такъ жестоко оскорбить хорошаго Актера, какъ сіи странныя похвалы и яростныя выходки противъ несогласныхъ?

8. О переводѣ Трагедіи: *Кровавая рука*, толковать и спорить не стану: пусть напечатаютъ ее (но только точно такъ, какъ играли) и тогда поговоримъ.

9. Грубыя выраженія ваши на счетъ Г. Яковлева доказываютъ только, что вы не правы; въ противномъ случаѣ не было бы надобности прибѣгать къ подобнымъ средствамъ. Подумали ль вы, приводя стихъ Буало (на стр. 155), что сами основываете всю славу своего героя на рукоплесканіяхъ толпы?

Андреевъ.

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изъ Гете.

Рѣютъ ласточки весною
По горамъ и по доламъ:
Такъ мечтанья за мечтою
Вдаль и вкругъ и тамъ и сямъ.
Новость манитъ въ испытанье,
Сердце ноетъ взоромъ дѣвъ. . .
Грусть для юноши — питанье,
Слезы — счастія припѣвъ!

Магнитъ.

(Изъ Гёте.)

Вѣчно ли тайна магнита
Будетъ для смертныхъ сокрыта?
Тайна разгадана вновь —
Это вражда и любовь.

А. Б.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Англія.

Королевскою прокламаціею 23-го Апрѣля распущенъ Парламентъ и повелѣны новые выборы,

которые должны быть окончены къ 14-му Іюня. Полагаютъ однако же, что Парламентъ сберется не прежде 21-го или 28-го Іюня.

Всѣ газеты наполнены изъявленіями благодарности Королю и похвалъ Министрамъ за распущеніе Парламента. Полагаютъ, что новые выборы введутъ въ Парламентъ по крайней мѣрѣ 70 приверженцевъ преобразованія; избраніе 33 другихъ также весьма вѣроятно. По извѣстіямъ отъ 6-го Мая, выборы были благопріятны для Министровъ. Изъ 380 новыхъ Членовъ, 212 расположены въ пользу билля о преобразованіи; должно еще замѣтить, что выборы уже кончены въ большей части гнилыхъ мѣстечекъ, а въ открытыхъ, народное желаніе, кажется, не встрѣтитъ ни какого сопротивленія. — Между тѣмъ партія торіевъ употребляетъ всѣ усилія для одержанія побѣды надъ своими противниками. Въ газетахъ пишутъ, что собрано подпискою уже около 1.500,000 ф. стерл: въ томъ числѣ Герцогъ Нортумберландскій подписался на 250,000 ф. стер., Сиръ Р. Пиль на 50,000 ф. стер., и весьма многіе другіе по 20 и по 10 тысячъ ф. стер.

Король объявилъ свое намѣреніе удостоить своимъ посѣщеніемъ, 20-го Мая, обѣдъ отъ гражданъ города Лондона.

Королева приготовила къ 13 и 14 Мая выставку женскихъ рукодѣлій въ пользу бѣдныхъ въ Ирландіи.

21-го числа, городъ Лондонъ былъ иллюминованъ: толпы народа ходили по улицамъ и били стекла въ домахъ, которые не были освѣщены,

между прочимъ у Сиръ Р. Пиля, у Маркиза Лондондерри, у Епископа Лондонскаго, даже во дворцѣ Герцога Глостерскаго.

Снаряжаемые въ разныхъ гаваняхъ корабли: Принцъ Регентъ, Каледонія, Св. Винцентъ, всѣ о 120 пушкахъ, Донегаль о 78, Талавера и Веллеслей 74, Ревенжъ о 76, и Азія о 84, имѣютъ приказаніе собраться въ Спитгедѣ. Эскадрою сею будетъ командовать Вице-Адмиралъ Сиръ Э. Кодрингтонъ; флагъ его будетъ на Каледоніи.

Портретъ Гунта публично сожженъ въ Манчестерѣ, на площади Св. Петра, главномъ театрѣ его подвиговъ; портретъ Садлера подвергся той же участи въ Ньюваркѣ, и еще горящій брошенъ въ рѣку.

Герцогиня Веллингтонъ скончалась 22-го Апрѣля въ Лондонѣ.

Въ Придворной Газетѣ напечатано слѣдующее: „Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Брюсселя, Бельгійскіе Депутаты удостовѣрились, что изъ 200 Членовъ Конгреса, коимъ сообщено было о предложеніи короны Принцу Леопольду, 170 были расположены въ пользу сей мѣры, равно какъ и главы Католической партіи.“

Въ Англіи дѣлается нынѣ одно изъ огромнѣйшихъ предпріятій нашего вѣка — чугунная дорога отъ Лидса до Ливерпуля. Дорога сія установитъ непосредственную линію сообщенія, посредствомъ паровыхъ каретъ, отъ Ливерпуля чрезъ пространный Ланкаширскій край, изобилующій каменнымъ углемъ, и соединитъ населенные города и огромныя мануфактурныя заведенія онаго, и наконецъ, чрезъ центръ Англіи, доведетъ до запад-

ной части Іоркскаго Графства, гдѣ столько шерстяныхъ фабрикъ, а оттуда къ гаванямъ на Гумберѣ, къ Нѣмецкому и къ Ирландскому морямъ. По дорогѣ сей устроены будутъ четыре чугунныя полосы, двѣ для легкихъ, и двѣ для тяжелыхъ повозокъ; вся дорога будетъ освѣщена газомъ. Для исполненія сего гигантскаго предпріятія уже собрано подпискою 900,000 ф. стер.

Франція.

Королевскимъ повелѣніемъ 25-го Апрѣля, кредитъ въ 700 милл. фр., назначенный Министрамъ на 1831 годъ, до 1-го Сентября, распредѣленъ слѣдующимъ образомъ; на Министерство Юстиціи 12.960,000 фр; Иностранныхъ дѣлъ 5.173,000 фр; Народнаго Просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ 25.253,000 фр.; Внутреннихъ дѣлъ 1 280,000 фр.; Торговли и Публичныхъ работъ 72.000,000 фр.; Военное 117.770,000 фр.; Морское 40.333,000 фр.; Финансовъ 353.086,000 фр.

Министръ Юстиціи назначилъ Коммиссію для разсмотрѣнія уголовныхъ законовъ и уголовнаго судопроизводства.

Въ Монитерѣ предостерегаютъ противъ ложныхъ извѣстій, распускаемыхъ въ публикѣ на счетъ войны съ Австріею.

Изъ западныхъ Департаментовъ получены непріятныя извѣстія о побѣгахъ рекрутъ къ шайкамъ Шуановъ въ Вандеѣ и Бретаньи; туда отправлены три полка, и нѣсколько полицейскихъ коммисаровъ съ чрезвычайными полномочіями.

Графъ Гильемино, Французскій Посолъ въ Константинополѣ, отозванъ; до назначенія преемника его, первый Секретарь Посольства будетъ исправлять должность Повѣреннаго въ дѣлахъ. Говорятъ,

что на мѣсто Графа Гильемино посланъ будетъ Генералъ Тибурцій Себастіани, братъ Министра Иностранныхъ дѣлъ.

Въ Тулонѣ снаряжаются четыре линѣйныхъ корабля и шесть фрегатовъ, и кромѣ того еще готовятъ два корабля, два фрегата, шесть корветъ и бригговъ; къ сей эскадрѣ присоединятся два корабля и два фрегата, вышедшіе изъ Бреста Назначеніе оной еще неизвѣстно; полагаютъ, что начальство надъ оною поручено будетъ Барону Гюгону.

Въ Алжирскомъ Регентствѣ царствуетъ совершенное спокойствіе, и не опасаясь никакого нападенія со стороны Мароканцевъ.

По извѣстіямъ изъ Лиссабона отъ 16 Апрѣля, Виконтъ Сантаремъ писалъ, 9-го числа, къ Французскому Консулу, что не можетъ дать ему ни какого отвѣта на ноту его, по той причинѣ, что въ ней шло дѣло о дипломатическихъ вопросахъ, и что Консулъ не имѣетъ достаточнаго полномочія, чтобы имѣть право дѣлать подобныя требованія. Въ слѣдствіе сего отвѣта, Консулъ перешелъ на военный бриггъ Эндиміонъ со всѣми чиновниками. Въ Гавръ пришелъ корабль Близнецы со множествомъ пассажировъ, а Консулъ долженъ быть въ Брестѣ. 1800 Французовъ выѣзжаютъ изъ Португаліи. Донъ Мигуэль отвергнулъ всѣ требованія Французскаго Правительства. —Немедленно по полученіи Консуломъ отвѣта Португальскаго Министра, Англійскій Консулъ, Гоппнеръ, писалъ къ нему, и требовалъ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ, не поставляетъ ли онъ и его въ ту же категорію; но Виконтъ Сантаремъ немедленно отвѣчалъ, что онъ, Гоппнеръ, совсѣмъ въ другомъ положеніи, будучи аккреди-

тованъ Лордомъ Пальмерстономъ, тогда какъ Французскій Консулъ былъ представленъ только прежнимъ Консуломъ, Г-мъ Бланшетомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ онъ ему скорый отвѣтъ на требованіе удовлетворенія за нанесенныя Англійскимъ подданнымъ оскорбленія.

Изъ Тулона отправилось, 15-го Апрѣля, плоскодонное судно Луксоръ въ Верхній Египетъ; оно пойдетъ вверхъ по Нилу отъ Розетты до развалинъ Луксора, для принятія нѣкоторыхъ памятниковъ древности, которые привезетъ прямо въ Парижъ по Сенѣ.

Италія.

Е. В. Король Сардинскій Карлъ Феликсъ скончался 27-го Апрѣля, въ 3 часа по полудни, послѣ продолжительной болѣзни; онъ родился 6-го Апрѣля 1765. Ему наслѣдуетъ Принцъ Карпиньянскій.

Въ Фаэнцѣ было, 18 Апрѣля, покушеніе возобновить мятежи; въ то время не было тамъ Австрійскихъ войскъ; но нарушители спокойствія, работники, схватившіе оружіе, были разсѣяны Папскою стражею, а на другой день подоспѣла Австрійская колонна изъ Имолы. Австрійцы занимаютъ только Анкону и Болонью, но небольшіе отряды ихъ ходятъ до Аппенинскихъ горъ и вездѣ способствуютъ сохраненію порядка, не вмѣшиваясь ни мало въ дѣла Правительства. Число ихъ въ Папскихъ владѣніяхъ не превышаетъ 5000, и отъ самаго Папы зависитъ сократить или продлить время ихъ пребыванія.

Нидерланды.

Подписки на добровольный заемъ 42 милл. гульд. простираются уже болѣе нежели на половину сей суммы.

Акціонеры Нидерландской Торговой Компаніи, числомъ около 300, имѣли въ Гагѣ собранія, въ коихъ положено не уничтожать общества, но выкупомъ акцій уменьшить капиталъ онаго отъ 24 до 12 милл. гульд., перевести Правленіе онаго въ Амстердамъ, назначить агентовъ въ Роттердамѣ, и предоставить право подавать голосъ только жителямъ областей, оставшихся вѣрными Королю.

Гентское общество подало Регенту протестъ противъ избранія Принца Леопольда.

Дѣло Полковника Борреманса рѣшено; онъ признанъ виновнымъ въ томъ, что не извѣстилъ Правительства о заговорѣ, существованіе коего было ему извѣстно, и приговоренъ къ тюремному заточенію на семь лѣтъ и къ уплатѣ издержекъ на судопроизводство.

Въ Луксенбургѣ дѣлаются приготовленія къ защитѣ. Германскій Союзъ послалъ въ сіе Герцогство три корпуса, составляющіе вмѣстѣ 24,278 человѣкъ пѣхоты и около 3500 кавалеріи; оные будутъ направлены изъ Кельна, Кобленца и Майнца.

Турція.

Изъ Константинополя пишутъ отъ 11-го Апрѣля, что тамъ были новыя казни. Вице-Адмиралъ Тагиръ-Паша удавленъ, какъ говорятъ, за участіе въ недавно открытомъ заговорѣ. Часть вновь вооружаемаго флота пойдетъ на берега Албаніи, другая въ Александрію и Сирію. Мятежи продолжаются въ Сиріи, Вавилонѣ, Багдадѣ.

По извѣстіямъ изъ Бѣлграда отъ 15-го Апрѣ-

ля, Мустафа Паша Скодрийскій съ торжествомъ вошелъ въ Пезрени, предшествуемый Янычарскими знаками, мѣдными котлами и большими ложками. Соединясь съ Пашею Ниццы, онъ пойдетъ въ Скопію: Паша сего города намѣренъ присоединиться къ нему съ 20,000 человѣкъ. Въ окрестностяхъ Софіи, для соединенія же съ мятежниками, собралъ значительное число войска одинъ изъ сыновей извѣстнаго бунтовщика Кирисали-Карасфеиса, опустошавшаго Румелію лѣтъ за тридцать предъ симъ. Между тѣмъ Зелади Бей Охридскій, съ зятемъ Мустафы Паши, пойдетъ съ 10,000 человѣкъ вдоль берега Нижней Албаніи, что явственно обличаетъ намѣреніе ихъ поставить Великаго Визиря между двумя огнями. — По извѣстіямъ изъ Бѣлграда отъ 21-го Апрѣля, Мустафа Паша, коего армія состояла уже изъ 40,000 человѣкъ, издалъ прокламацію, въ коей объявляетъ свое намѣреніе возстановить прежній порядокъ, увѣщеваетъ своихъ подчиненныхъ щадить мирныхъ жителей, и строго запрещаетъ задерживать иностранныхъ курьеровъ, почты или коммерческихъ агентовъ. Увѣряютъ, что Мустафа Паша идетъ на Битолію, и приглашалъ Визиря на совѣщаніе. Между тѣмъ Великій Визирь сбирается итти на Софію, гдѣ намѣренъ соединить всю свою армію; не думаютъ однако же, чтобы посланные имъ за наборомъ Аяны собрали много войска; ибо жители толпами бѣгутъ къ мятежникамъ, да и нѣкоторые изъ отправленныхъ Решидъ-Пашею Аяновъ послѣдовали ихъ примѣру.

Маія 9.